

Новый рассказ Горькаго

Вышелъ новый альманахъ „Непогасшіе огни“ съ новыми вещами М. Горькаго, Щепкиной-Куперникъ, Марко-Вовчка, Шоломъ-Аша, Ю. Безродной, стихами Минскаго, Бунина, Блока и др.

Рассказъ Горькаго называется „Федоръ Дядинъ“ и относится къ излюбленной въ послѣдніе годы Горькимъ категоріи рассказовъ съ антиполицейской тенденціей, — типичныхъ рассказовъ „Знанія“

Федоръ Дядинъ, бывший солдатъ, третій мѣсяцъ сидитъ въ одиночномъ заключеніи, глядя въ шесть квадратныхъ клѣтокъ, разрѣзавшихъ небо.

Однажды дверь тюрьмы открывается и въ камеру вкатывается маленькій солдатикъ, рекомендующійся Иваномъ Лукинымъ.

Рядомъ со спокойнымъ, суровымъ, много думъ передумавшимъ во время сидѣнья и укрѣпившимся въ своей „вѣрѣ“ Дядинымъ, этотъ новичекъ тюрьмы, егозливый, съ подмигивающими глазами и заискивающимъ голосомъ производитъ невыгодное и почти противное впечатлѣніе.

Это первое впечатлѣніе усиливается при дальнѣйшемъ ознакомленіи съ Лукинымъ. Его навязчивые расспросы Дядину объ его прошломъ, о провинности, за которую его заключили въ тюрьму, слагаютъ заключеніе, что Лукинъ „подозрителенъ“.

Дядинъ открыто высказывается передъ нимъ. Напрямки говоритъ, что его грѣхи — отпускъ арестанта изъ-подъ конвоя и препятствіе стрѣльбѣ въ бунтующихъ.

— Н-ну,—говоритъ Лукинъ,—за это васъ и осудятъ же! Бѣда! Стро-ого! Ухъ! Переступили присягу! Тутъ, знаете, поступокъ есть-таки! Невозможный поступокъ по закону.

Дядинъ говоритъ красивыя слова объ апостольствѣ свободы, о народномъ посланничествѣ.

— Теперь апостоловъ множество,—говоритъ онъ объ „освобожденныхъ“.—Они есть дѣти духа народнаго. Тайно рожденные дѣти наши—пойми... Въ его груди мое сердце и твое, и еще тысяча. Соединенныя, онѣ горятъ и освѣщаютъ намъ невидимое..

Увлекаясь своими рѣчами, Дядинъ хочетъ показать Лукину воочию „голосъ правды“, слышный даже здѣсь, въ тюрьмѣ.

Лукинъ вдругъ теряетъ, робѣетъ, начинаетъ кричать, чтобы его выпустили.

Дядину уже ясно, что передъ нимъ шпионъ, специально подсланный для того, чтобы вырвать его сознание. Онъ не жалѣетъ о томъ, что откровенничалъ съ нимъ, и сознался ему, но проситъ только одного,—чтобы тотъ не выдалъ солдатъ, предупредившихъ его, Дядина, о шпионствѣ Лукина.

— Свое, что тебѣ приказано, ты сдѣлалъ. Значитъ, обѣщанное получишь. А о томъ, что изъ корридора про тебя сказали, зачѣмъ ты ко мнѣ посланъ,—объ этомъ не говори начальству... Вѣдь сказалъ мнѣ одинъ и неизвѣстно, кто, а въ корридорѣ—девять солдатъ. Всѣхъ начнутъ бить и стращать.

„Голосъ правды“, слышимый и въ тюрьмѣ, надо думать, та условная фраза, какая долетѣла до Дядина со двора во время его разговора съ сыщикомъ. Шпионъ обѣщаетъ Дядину просимое и уходитъ.

Дядинъ остается въ трагическомъ, но спокойномъ убѣжденіи, что ему уже все равно не миновать смерти.

У Горькаго есть рассказъ „Тюрьма,“ написанный имъ еще передъ русской бурей. По замыслу эти рассказы близки. Тотъ же гимнъ человѣческой свободѣ, дерзающей возстать противъ рабства, та же апотеоза человѣческой мысли и слова, побѣждающихъ железо и камень тюрьмы.

Но „Тюрьма“ ярче, сильнѣе и глубже „Федора Дядина“. Новый рассказъ—только вариантъ. И онъ раздается тогда, когда уже прозвучало на эту тему столько сильныхъ голосовъ, что мысли эти временно обаналились.

Со стороны художественной, надо отмѣтить приподнято-книжный языкъ заключеннаго. Онъ говоритъ, какъ пишетъ. Это создаетъ фальшь и диссонансъ. („Бирж. Вѣд.“)